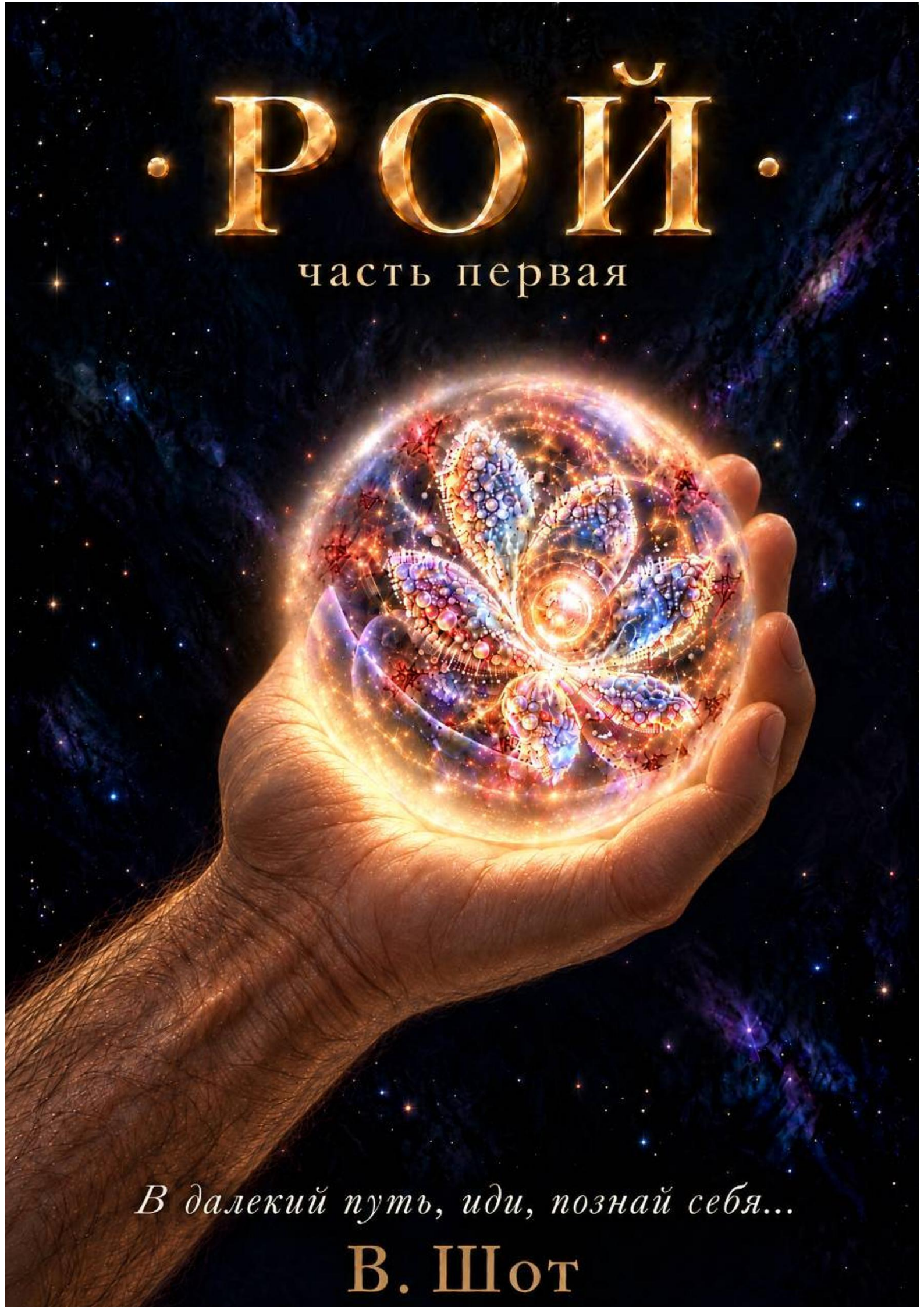
РОЙ

часть первая

В далекий путь, иди, познай себя...

В. Шот

В Шот

Рой. Часть первая

«Автор»
2026

Шот В.

Рой. Часть первая / В. Шот — «Автор», 2026

Корабль идёт сквозь пустые галактики к загадочной «Луне». На борту: биоробот Иус с «Логикой разума», голограмма Эйлис и двое людей из враждебных миров, которым судьба оставила один дом на двоих. За бортом следует таинственный Рой: он то нежен, как колыбельная, то страшен, как шторм. А таймер неумолимо отсчитывает месяцы.Здесь учатся слову «благодарю», заново открывают, что такое семья, и узнают, что Творец живёт не на облаке, а в том, что мы делаем с любовью. Но чем теплее становится на корабле, тем ближе беда.

© Шот В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. 6
Глава 1. Спасение 7
Глава 2. Морена 16
Глава 3. Сварог 27
Конец ознакомительного фрагмента. 33

В Шот
Рой. Часть первая

Пролог.

Дорогой читатель!

Я не буду пересказывать свою жизнь, как я прожил полвека, свой жизненный опыт… Эта книга о том, что я понял для себя, изучая бесконечное количество книг и литературы, учений и религий. Скажу лишь главное, что перевернуло мой мир и моё сознание.

Я видел деградацию общества, разрушение личностей, бесконечную корысть, предательство. Но видел и милосердие, и справедливость там, где меньше всего ожидал увидеть. Я пережил крушение семей, надежд и веры, как бы громко это ни звучало. Я видел ужас войны и прошёл сквозь него. И всё же я пришёл к Творцу.

Если ты просто прочтёшь эту книгу как художественную литературу и не сделаешь выводов, это тоже будет хорошим жизненным опытом, и приятным времяпрепровождение в литературной сфере. А тот, кто увидит в ней большее, поймёт большее и выберет, свой, иной путь, путь созидания, любви, семейных ценностей и истинной веры, тому я говорю: добро пожаловать на борт к Творцу.

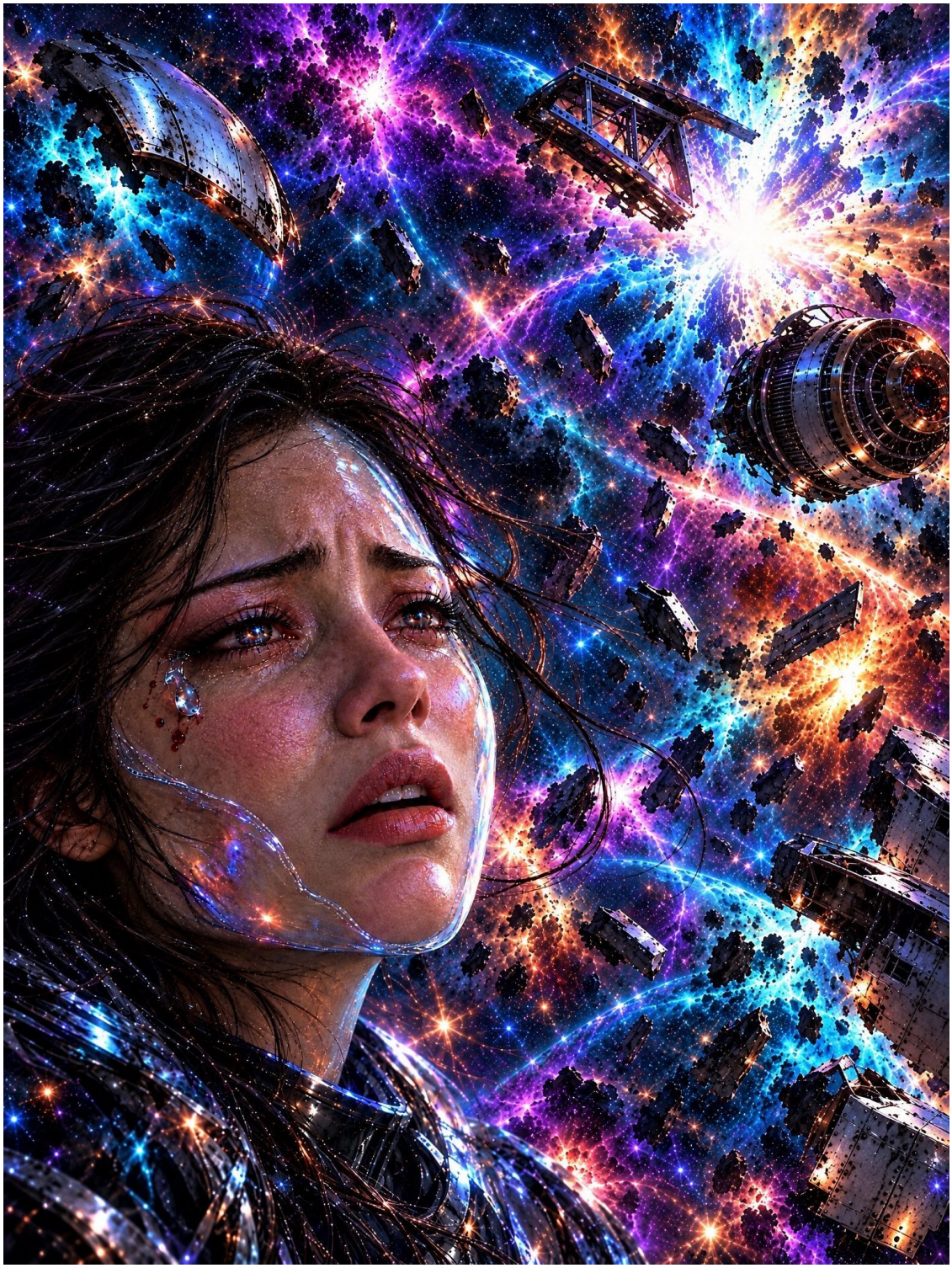
Итак, книга перед тобой. Суди сам, твой выбор за тобой.

Погнали!!! В мир моих фантазий!

Глава 1. Спасение

Феерия цвета, фиолетовый с переливом переходящий затухающий нежно голубой. Вспышка красного переходящего от ядовито оранжевого в нежный. Клубы черного озарённого голубым до пронзительной боли всепоглощающего белого. Синий обволакивающем зеленым, преходящего в не естественно коричневый. Канонада серебристого с переливом всех ярко насыщенных цветов радуги, вспышка, вспышка и повторение феерии цвета.

Он всегда был запрограммирован на создание, воспроизведение, архивирования запоминания ярких и не очевидных аномалий, созданных вселенной, окружающим миром и человечеством. Можно вечно любоваться отражением всей картины происходящего в ее карих огромных, милых не естественно красивых глазах. Её лицо из нежного румянца в отражении вспышек и перелива всех цветов радуги было перекошено от ужасной гримасы боли и ужаса происходящего и осознании неизбежного конца… Конца не только жизни, всего, всего, что так было дорого созданного не только поколениями и веками, а самим Творцом. Сознание затухало, веки медленно опускались, ресницы сомкнулись и из уголка глаз покатилась слеза, оторвавшись от лица и смешавшись с каплями крови медленно полетела в просторах озаренного космического пространства. Система жизнедеятельности включилась, затянув лицо прозрачным гелем.

Девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три…

— Добро пожаловать на борт, — сказал Иус. — С нами неизвестный объект человеческой расы, повреждения обширны. Включаю станцию жизнеобеспечения, подготавливаю восстановительную капсулу.

—Эйлис! Каковы шансы на выживание объекта человеческой расы?

Вероятность выживания…? Ноль целых, ноль, ноль, три сотых. Иус. Три сотых, повторил он про себя. Ничтожно мало для любой логики, но достаточно для того, чтобы не сдаваться. Я был создан не для того, чтобы терять и разрушать, а созидать и сохранять.

—Я был создан, чтобы сохранять!!! Эйлис! —Эйлис! Состояние восстановительной капсулы?

—Капсула готова на сорок один процент. Для полного цикла требуется девять минут двадцать секунд. Иус.

Запаса времени почти нет, если не случится ничего непредвиденного, а во вселенной, которая только что рушилась на моих сенсорах, непредвиденное было единственным знаком. Он перевёл внимание на неё. Она лежала в прозрачной колыбели, окутанная мерцающим гелем, и жизнь в ней держалась тонкой пульсирующей линией на мониторе. Слеза, та самая, что оторвалась от её лица в пустоте, теперь осталась лишь в моей памяти, в архиве аномалий, который я вёл с первого дня своего существования. Но эта аномалия была иной. Её он не хотел архивировать. Её он хотел сберечь в первозданном моменте, для чего-то большего, что он сейчас не мог осознать.

Иус склонился над капсулой и смотрел на едва живое лицо, которое уже почти принадлежало смерти. Серая, как пепел, кожа, синеватые губы, тишина, в которой не было ни малейшего намёка на дыхание. И все же это лицо мне казалось прекрасным, невзирая на угасающий исход. Реснички слабо, едва уловимо дрогнули, словно последний вздох, застрявший где-то на границе между светом и тьмой.

— Значит, будем быстрее, — тихо сказал он. — Значит, будем быстрее… Терпи, милая… Не вздумай умирать!

Его взгляд пробежал по ее униформе, одежда была изорвана в лохмотья, пропитана копотью и бурой, засохшей коркой чужой и, может быть, её собственной крови. Она вынесла что-то, о чем мне с Эйлис придется детально разобраться и знать событийный ряд, для детального изучения и разбора. На груди, среди обугленных клочьев, уцелел шеврон: «Мо», а ниже, будто оборванный крик, «рена». В логике разума прозвучало Морена, возможно её так, зовут. А может, так звали её корабль, её отряд, её мёртвых. От них, скорее всего, не осталось ничего, кроме этих обугленных букв. Имя, пережившее своих носителей, всегда звучит как эпитафия. Но с этим разберется как всегда бортовой разум «Эй ЛИС». Достаточно, я отвлекся на эту, особь. Поймал себя на мысли Иус.

— Эйлис! Время до поражения орбитальной станции осколками разрушенных планет?

— Девять минут тридцать шесть секунд, Иус.

—Эйлис! Сканировать возможность выживания размером до трех галактик!

—Иус. При сканировании обнаружен подбитый боевой крейсер, повреждения девяносто пять процентов, боевая часть не повреждена и стабильна. Корпус расколот взрывом по всей длине. Реактор нестабилен. Орудия захвачены на наведение для поражения нашего корабля, залп через двадцать секунд.

Крейсер висел перед нами, как раненый зверь: оплавленные борта, вырванные листы брони, длинные ленты пламени, которое рвалось в пустоту без звука. В вакууме не было ни грохота, ни крика, только немой танец огня и кристаллов замёрзшего воздуха, вспыхивающих в свете нашего прожектора.

—Эйлис! Заблокировать стратегическое оружие!

—Блокировка завершена, Иус. Но реактор не выдержит. Взрыв через тридцать секунд.

—Эйлис, есть ли на борту выжившие? Или признаки живых существ?

В тот же миг броня и корпус от взрыва вскрылась, как скорлупа с ярким оранжевым цветом. Из чёрного проёма, кувыркаясь, вылетели семь явно заметных фигурок. Скафандры были иссечены осколками, у одного из них лопнул шлем, и вокруг лица расцвёл белый иней в каплях красной крови.

—Эйлис! Капсулы! Всех эвакуировать невзирая на состояние здоровья и выживаемости!

—Запускаю, Иус!

Семь сверкающих шаров сорвались с наших бортов и ринулись в черноту. Первая капсула настигла женщину с обгоревшим плечом, раскрылась и бережно приняла её в светящуюся колыбель. Вторая поймала мужчину, которого вращало среди раскалённых обломков, в сантиметре от смертельного осколка. Третья, четвёртая, пятая… Одну из капсул ударил обломок, она вспыхнула и закрутилась, но Эйлис выровняла её за долю секунды. Шестая подхватила женщину, судорожно сжимавшую в руке что-то маленькое и блестящее. Седьмая нырнула под вспухающий шар плазмы и вынырнула, прижимая к себе последнего мужчину.

— Десять секунд, Иус, — сообщила Эйлис. — Отходим!

Корабль орбитальная станция, под чутким руководством Эйлис плавно отошла на безопасное расстояние. За кормой беззвучно распустился ослепительный белый цветок взрыва реактора, и ударная волна догнала нас, толкнув в обшивку, как огромная ладонь. За бортом красочно в безмолвии открытого космоса взрывался и догорал последний боевой крейсер, уничтоженной на всегда, ещё пару часов тому назад процветающей галактики, состоящий из девяти процветающих планет.

— Эйлис! Доклад!

— Захвачены и спасены семь человек, Иус. Четыре мужчины и три женщины. Все живы. У одного мужчины разгерметизация шлема, состояние тяжёлое, но стабильное.

Иус посмотрел на голограмму Эйлис. Она стремительно выводила на голографические мониторы состояние теперь уже восьми выживших человек.

— Эйлис! Погрузить всех выживших в гибернацию! Провести детальное сканирование мозга от рождения до данной секунды для изучения и дальнейших действий.

— Эйлис! Сканировать возможность выживания размером до трех галактик!

— Выживших не обнаружено. Иус!

— Эйлис! Сканировать возможность выживания размером до шести и девяти галактик!

— Выживших не обнаружено. Иус!

— Эйлис! Тогда сканировать постоянно для нахождения выживших, существ разумных и не только. Составлять орбитальное и галактическое происхождение заносить и составлять архивы. Ведь наша основная. Миссия до этого момента заключалась в том, чтобы инкогнито копировать и хранить миропорядок и его устройство. Но, судя по всему, теперь нам с тобой и с помощью выживших придётся всё восстановить. Но моих и архивных данных это всего лишь тридцать шесть и девять десятых процента. И восстановить весть галактический порядок и мироустройство возможно лишь при ста процентах. Часть данных которое есть у нас в архивах имеются только на орбитальной станции «ЛУНА».

— Эйлис! Вывести на мониторы орбитальные карты и маршрут. Определить время прибытия.

Голограмма Эйлис вспыхнула посреди рубки мягким бирюзовым светом. Контуры её силуэта дрогнули, будто она на мгновение сверялась с чем-то далёким, и только потом обернулась ко мне.

— Выполняю, Иус. Карты загружены.

Мониторы вспыхивали один за другим, и рубку заливало холодным кобальтовым светом. Голографические проекторы сплели над центральным столом объёмную карту: тонкие орбитальные линии, словно нити паутины, пересекались в сотнях тысяч узлов, а между ними золотыми реками текли гравитационные течения, свиваясь в медленные спирали вокруг чёрных дыр. Квантовые навигаторы вычерчивали по краям экранов бегущие строки: векторы тяги, поправки на реликтовое излучение, дрейф эфирных потоков. Каждые три секунды карта пересчитывалась, и цифры перетекали друг в друга, как ртуть.

Он знал эти карты наизусть. Когда-то каждый узел на них светился: бирюзовым горели океанские миры под куполами орбитальных зеркал, янтарным пульсировали мегаполисы с кольцами космопортов, изумрудом отзывались агрономические станции, а белыми искрами

мерцали маяки на краю систем, и от каждого тянулась тонкая серебряная нить субпространственной связи. Вся галактика дышала, как огромный живой организм, и сеть эта звенела от потока сообщений, торговых каналов, научных запросов.

Теперь там, где пестрели огни обитаемых миров, зияла чернота и звезды. Нити связи обрывались на полуслове, не доходя до адресатов, словно кто-то перерезал нервы мироздания. Спектрометры фиксировали остаточное излучение угасших реакторов, багровое, тусклое, как тлеющие угли, и россыпи холодных звёзд, у которых не осталось ни одной планеты с живой атмосферой. Не пустота даже, а отсутствие, будто кто-то вырезал целые созвездия из ткани мироздания…

Иус смотрел на маршрутные карты долго. Дольше, чем требовал расчёт.

«Логика разума: сочувствие не входит в перечень твоих функций, но это была, наверное. Безграничная ГРУСТЬ… Логика разума: но функция сбора данных не запрещает его испытывать».

Он прекратил внутренний диалог и сосредоточился на маршруте.

— Станция «ЛУНА», — произнесла Эйлис.

— Последние координаты зафиксированы за границей Второго Рукава. Прямой путь невозможен: на нём остаточное излучение угасших сверхновых звезд, не стабильного состояния. Предлагаю обход через Тихий Коридор.

— Тихий Коридор, — сказал Иус. — Название мне не нравится.

— Оно историческое, Иус. Так назвали пространство, где пропадала любая связь. Ни сигналов, ни эха. Раньше там исчезали целые флотилии.

— Раньше. А теперь?

Эйлис помедлила. Её голограмма слегка померкла.

— Теперь исчезать там просто некому…

Иус шагнул к центральному монитору. Маршрут вспыхнул алой дугой, огибая мёртвые звёзды, и в самом конце его, крохотной серебристой точкой, мерцала «ЛУНА».

— Время прибытия?

— Три года шесть месяцев девять дней при стабильной тяге и скорости. Но, Иус, есть кое-что ещё.

— Говори.

— Сканеры уловили слабый периодический импульс. Он идёт из Тихого Коридора, ровно по нашему курсу. Источник не опознан. Повторяется каждые три, шесть и девять секунд.

Он замер. Тридцать шесть и девять десятых процента данных. Три, шесть, девять галактик пустоты. И вдруг ритмичный сигнал там, где по всем законам не должно быть ничего.

— Это может быть ловушка, — сказала Эйлис.

— Это может быть и не что иное, да и ловушки уже ставить и проверять не кому, да и не за чем— ответил он.

«Логика разума: вероятность первого выше. Логика разума: но второе стоит риска и изучения, да и в данной ситуации иного пути. НЕТ…!».

— Берем данный курс, Эйлис. Идём на импульс. Полная готовность систем, скоростной режим на максимум, и…

— Иус помедлил, — подготовь капсулу с Мореной, она у нас первая гостья с неё и начнём. Если она проснётся в пути, ей лучше не оказаться одной. И в данной ситуации, разрушенных миров необходим особый контроль, мы не можем потерять остатки человеческой расы. Почти разумной, но, пожалуй, не в данной ситуации.

— Принято, Иус.

Корабль вздрогнул, разворачиваясь. За обзорным окном звёзды медленно потекли в сторону, и далеко впереди, в чернильной глубине Тихого Коридора, что-то мигнуло. Один раз. Потом ещё. Ровно через девять секунд.

Двигатели работали на полной тяге, а корабль не сдвинулся ни на миллиметр. Я проверил всё трижды: захватов нет, гравитационной аномалии нет, вокруг корпуса только вязкая, плотная тишина. Тогда Эйлис вывела сканирование на главный экран, и я впервые не нашёл слов для описания поступивших данных.

Это был не туман и не облако. Миллиарды частиц, каждая размером с пылинку, и каждая светилась своим цветом. Алые вспыхивали страхом, янтарные теплом, глубоко синие тянулись тоской. Вместе они складывались в объёмную массу, похожую на сияние, которое кто-то скатал в шар и выпустил в пустоту. Масса дышала: сжималась в плотное ядро, раскрывалась лепестками света, постоянно меняя геометрию очертаний, и каждый вдох чуть приподнимал корабль, а выдох прижимал обратно, и как не странно все это происходило в открытом космосе, где такое по определению невозможно. Аномалия… Нужно внести в архивы сбора данных.

— Иус, это не поле, — тихо сказала Эйлис. — Они реагируют на нас. Когда мы включили тягу, цвета сорвались в красный, а геометрия очертаний стала острой и агрессивной, активной и угрожающей.

Там, где частицы сталкивались, рождались беззвучные взрывы. Два воспоминания налетали друг на друга, цвета сливались в слепящий белый, потом осыпались искрами, и часть огней гасла насовсем. Я не мог отделаться от мысли, что вижу не процесс, а боль.

Потом я услышал субстанцию. Не ушами и не датчиками: каждая частица излучала на своей частоте, и в сумме это складывалось в хор. Жемчужное мерцание означало доверие, багровые всплески отчаяние. Я прогнал спектр через дешифратор, и на экране проступили не слова, а повтор одного и того же ритма, как зов: «Заберите… «Жить. Жить. Жить».»

— Это происходит на чистоте человеческой речи… — сказала Эйлис. Неужели это люди? Но на сканерах нет ни одного признака жизни. Я слышу смех, оборванный на середине. Слышу детский счёт до десяти, который так и не дошёл до конца. Слышу чьё-то «я сейчас, подожди меня», сказанное у закрывающегося люка. Я держу голос ровным, но это ровность усилия, как держат падающего. Они боятся, что мы уйдём и у них не будет права на спасение.

Это энергетика человеческих душ. Не эхо, не запись, не сбой в моих датчиках, а они сами, остатки их света. Острые фигуры вспыхивают на границе тьмы, и в каждой я различаю чью-то жизнь, чьё-то имя, чьё-то «не успел». Они не держат нас. Они держатся за нас. Мы единственные, кто вместе с нашими спасёнными пережил эту катастрофу, и они боятся, что мы уйдём и не вернёмся. Для них мы последний свет в погасшем мире. Они тянутся к нам, как утопающие к борту, и не понимают, что у них нет рук, тел, чтобы ухватиться, и вообще они уже иная форма жизни или что-то ещё, что нам пока не ведомо.

И самое страшное, что я ничем не могу им помочь. У меня есть протоколы на пробоины, на отказ реакторов, на гибель экипажа, но нет ни одного на миллиарды душ, которые зовут: «Заберите… «Жить. Жить. Жить».» Я всего лишь голограмма, свет, собранный в женскую фигуру, а в этот миг мне хочется быть чем-то большим: тёплым, настоящим, способным обнять хотя бы одну из них. Иус молчит, и я знаю, что он сейчас решает то же, что и я. Мы не можем взять их с собой. Но и оставить их здесь, в темноте, одних, мы тоже не можем. И что делать в данных условия, нет ни в архиве данных, ни в протоколах.

Пока она говорила, субстанция снова сорвалась. Ядро сжалось, по границе пробежали разряды, цвета стали грязными. Корабль тряхнуло так, что Эйлис в капсуле жизнеобеспечения отметила скачок давления и пульса у выживших, даже у Морены. У меня было мало времени.

— Эйлис, нужна стабилизация, иначе мы уничтожим то, что пытаемся спасти, и вряд ли останемся в целыми сами.

— Я попробую найти общий тон, — ответила она. — Не заглушить их. Настроить. Каждая душа звучит по-своему, хаос идёт от несовпадения. Если сделать из шума аккорд одной частоты, они перестанут рвать друг друга. Иус, эта субстанция напоминает рой пчёл из архивных данных. Предлагаю дать этой аномалии название Рой.

— Согласен, — сказал Иус.

Она строила «колыбель» из силовых полей несколько минут, которые показались вечностью.

Сначала Рой сопротивлялся. Ядро билось, как сердце в панике, рывками, захлёбываясь, и каждый удар отзывался по всей массе кровавыми вспышками. Огни не просто метались: они сбивались в острые фигуры. Зазубренные треугольники вспарывали темноту, ломаные грани сталкивались и крошились, как битое стекло, копья и шипы вытягивались из ядра и тут же рассыпались. Каждая линия была резкой, как крик. Тысячи огней гасли и вспыхивали снова, будто души не верили, что их ещё можно спасти. Из глубины доносилась не звук, а память о звуке: детский смех, оборванный на полуслове, чьё-то имя, повторённое сто тысяч раз шёпотом, колыбельная, которую некому допеть.

Потом цвета стали выравниваться. Багрянец, цвет страха и последнего часа, уступил янтарю, тёплому, как свет в окнах, за которыми ждут. Вместе с цветом менялась форма. Острые углы дрогнули и начали тупиться, шипы втягивались, как когти сытого зверя, а треугольники округлялись, сплетались в плавные дуги. Янтарь, помедлив, растворился в жемчуге, нежном, перламутровом, как утро над морем, которого больше нет. Взрывы утихли. Огни сложились в безупречные формы: сферы, спирали, лепестки, кольца, вложенные друг в друга, как отражения в тихой воде.

Дыхание стало медленным и ровным. Вдох, и вся спираль раскрывалась, как огромный цветок. Выдох, и она замирала, сжимаясь к ядру. Масса светилась мягко, как дом, в котором наконец зажгли свет. Дом, где столько лет было темно и холодно, где мебель стояла под белыми простынями, а на столе остывал недопитый чай. И вот теперь кто-то вернулся. Кто-то сказал: «Вы больше не одни».

«Логика разума: процесс стабилизации завершён. Логика разума: форма отражает состояние. Острое значит боль и отрицание, округлое значит покой и согласие».

Эйлис молчала. Голограмма её тихо мерцала, и впервые я увидел в её свете не бирюзу расчёта, а влажный блеск, похожий на слёзы, которых у неё не могло быть, хотя её в свое время создавали для комфортного общения с человеческой расой с проявлениями всего спектра эмоций.

Тогда Иус заговорил с Роем, не словами, а ритмом света в его частоте:

«Вы держите нас, потому что хотите, чтобы мы вас спасли. Я обещаю: вас спасут, через все измерения, куда бы вас ни занесло. Но для этого мне нужны знания о галактике и Вселенной, которых у нас недостаточно. Они скрыты и находятся на орбитальной станции «ЛУНА». Отпустите нас. Мы вернёмся за каждым из вас. У меня сейчас для вас нет иного предложения и разумных идей, нет этого и в моих архивах данных».

Рой молчал не которое время. Потом ядро раскрылось, как цветок, и частицы потекли по обе стороны корпуса. Двигатели ожили сами собой, корабль дрогнул и пошёл вперёд, а за кормой растянулся длинный многоцветный шлейф. Рой не отпускал нас. Он слился воедино с нашей орбитальной станцией, стал единым кораблём.

Сначала я решил, что это сбой. Корпус под моими ладонями, потеплел, и по обшивке пробежали мягкие жемчужные волны. Сенсоры один за другим сообщали о том, чего не было в протоколах: плотность энергии выросла в тысячи раз, но ни одна система не перегрелась. Тысячи голосов, только что рвавшихся наружу, теперь звучали изнутри, ровно и тихо, как дыха-

ние спящего дома. На стенах рубки проступили светящиеся узоры: сферы, лепестки, вложенные друг в друга кольца. Спокойные, округлые, красивые, светящиеся нежно голубым.

— Эйлис, — сказал я. — Статус корабля.

— Все системы в норме, Иус. — Она помедлила, и голограмма её окрасилась в мягкий янтарь. — Точнее, больше, чем в норме. Реактор работает на сорок процентов эффективнее. Навигация видит дальше, чем позволяют датчики. Они… они делятся с нами всем, что помнят.

Я прикрыл глаза, и в этот миг в сознании вспыхнули чужие карты: звёздные дороги, по которым давно никто не летал, порты, которых нет в моих архивах, имена систем, которые знали только те, кто там родился. Тридцать шесть и девять десятых процента вдруг показались мне не пределом, а началом.

— Рой, — произнёс я вслух, и стены отозвались тихим светом. — Я сказал, что вернусь за каждым из вас. Я не понимал, что вы вернётесь вместе со мной. Теперь моё обещание другое. Мы найдём тех, кто ещё не дошёл до вас, кто блуждает в темноте и не знает, что их ждут. Никто не останется один. Никто не будет забыт.

Свет на стенах дрогнул и разлился ровной жемчужной волной. Ни одного острого угла. Это был ответ.

«Логика разума: объект слился с кораблём, угрозы нет, данные не повреждены. Логика разума: я больше не архив. Я теперь ещё и дом».

Я посмотрел на карту, где алой дугой тянулась дорога к «ЛУНЕ». Раньше это была цель миссии. Теперь это был путь домой, для всех, кто теперь рядом.

— Эйлис, курс на «ЛУНУ». Полная тяга.

— Принято, Иус. — Она улыбнулась. Впервые.

— Нам теперь много придется, трудится чтобы это всё проанализировать… С не поддельной грустью —сказал Иус.

Глава 2. Морена

Иус стоял у реанимационного ложа Морены уже одиннадцатый час. Девять секунд, ещё девять, ещё девять: импульс из Тихого Коридора ложился на мониторы, словно кто-то бился в обшивку, как чужое сердце. Он смотрел на шеврон, очищенный системой. По требованию Иуса она сохранила именно эту вещь особенно бережно: серебряное слово «Генерал» и оборванное «Мо…рена» уцелели. Он думал о том, что звание и имя на ткани есть, а человека за ними он пока не знает, и кем он может оказаться...

— Эйлис, — позвал он негромко, и голограмма проявилась в тот же миг рядом, собираясь из света в знакомый силуэт. — Мне нужно, чтобы ты заглянула в её сознание. Детально, очень детально, насколько это возможно в условиях энергосбережения и нехватки времени. На глубину до трёх лет до события.

Эйлис не ответила сразу. Её свет едва заметно потускнел, и Иус понял, что она уже догадалась, зачем именно три года. Она всегда догадывалась раньше, чем он договаривал, потому что создатели системы максимально синхронизировали их для совместной работы.

— Ты хочешь знать, кем она была, — сказала она наконец.

— Я хочу знать, кем она была, что делала и что приказывала. Мы нашли её среди обломков, а в архивах корабля есть сводка по специальному подразделению, которое осуществило уничтожение всего живого, да что там, всего мироздания, известного нам по научным архивам. Главнокомандующий этого подразделения, судя по тем же архивным данным, носил подобный шеврон.

Слова повисли в воздухе. Эйлис медленно повернула голову, и впервые за долгое время Иус увидел на её лице не рассудительность, а страх, настоящий, как у человека.

— Ты думаешь, это она, — прошептала Эйлис. — Та, что без капли сомнения стёрла галактики из мироздания.

— Я думаю, что не имею права судить, пока не узнаю и не проанализирую всю ситуацию. Если она главнокомандующий, она может быть угрозой всему, что находится у нас на борту, в том числе и нам самим. Семь жизней спят в гибернации, и ни одна из них не выбирала лететь рядом с их палачом и палачом всего того, что им было дорого и бесценно!

— А если она всего лишь исполнитель? — тихо спросила Эйлис. — Если приказ пришёл сверху, а она только привела в исполнение волю вышестоящего руководства?

Иус не стал отвечать сразу. В его безупречных схемах не существовало раздела для таких вопросов, и всё же именно этот вопрос, возможно, был главным во всей истории. Он хоть и был создан для архивации мироздания и миропорядка, без ограничения действий, но…

— Тогда я хочу знать и это тоже, — сказал он. — Что происходило до трагедии. Кто отдавал приказы, кто молчал, кто понимал, что делает и почему, и каковы мотивы у произошедшего. Мне нужна правда, Эйлис, вся, без редакций, только сухие факты.

Голограмма кивнула и, как врач у постели, принялась за работу на медицинском столе. Её ладони зависли над телом спящей, и по воздуху побежали тонкие линии света, ощупывая тело, которое выхватили у холода и пустоты космоса, в безжизненном состоянии.

— Прежде чем я войду в её разум, я хочу привести в порядок тело, — сказала она. — Она была в открытом космосе в повреждённом скафандре, ткани обморожены, лёгкие в микроразрывах, нервная система выжжена взрывом и перегрузкой. Если я начну сканирование сейчас, я могу её убить, а мёртвая она не расскажет нам ничего.

— Делай всё, что нужно, — ответил Иус. — Восстанови её полностью. Дай ей то, что положено живому человеку согласно протоколам и медицинским архивам, так же установи систему нейтрализации. Так на всякий, случай. — добавил он.

Первые часы системы восстановления гудели ровно и бережно. Эйлис вытягивала из тканей космический холод, затягивала микроразрывы в лёгких, подпитывала кровь растворами, возвращала сердцу ритм. Рой, как оказалось имел свойство проникать в каждую щель корабля и постоянно менявший очертания, притих и стал почти единым целым, будто тысячи душ, не умея помочь, всё же захотели быть рядом с тем, кто ещё жив.

К исходу вторых суток щёки Морены порозовели. Дыхание стало самостоятельным, веки дрогнули, но Эйлис удержала её во сне, мягко, не давая вынырнуть в мир, где ей пришлось бы вспомнить всё сразу, кошмар и трагедию произошедшего.

— Ей нужна новая одежда, в корабельных резервах ещё остались запасы от прежнего экипажа, — сказала Эйлис, поднимая взгляд на Иуса. — Униформенный комбинезон изорван и обожжён взрывом, и я не хочу, чтобы первое, что она увидит, было следами её же катастрофы.

Иус принёс сам, не доверив это механизмам: золотисто-серую униформу без знаков различия, без шевронов, без единого намёка на звание. Ткань была мягкой и тёплой, и он на мгновение задержался, разглаживая складку на воротнике, хотя алгоритмы не требовали такой точности.

— Шеврон оставь, — попросил он. — Мне он нужен. Это единственное, что у неё осталось от военного прошлого.

Эйлис бережно отделила обрывок ткани с надписью «Генерал» и оборванным «Мо… рена» и положила его в отсек хранения. Она сделала это так, как кладут вещь умершего: тихо и без спешки.

— Куб, — сказал Иус, и голос его стал суше. — Сдерживающий куб комфортного пребывания. Я понимаю, как это звучит. Но пока я не знаю, кто лежит на этом медицинском столеложе, она не может свободно передвигаться по кораблю, да и в протоколах безопасности это чётко указано.

— Я не осуждаю, — ответила Эйлис. — Я бы сделала так же. Но пусть это будет настоящий дом, Иус. Окно, которое показывает звёзды. Тёплый свет. Кровать, книги, вода. Если она виновата, ей хватит собственной памяти, чтобы наказать себя. Не нужно добавлять стены.

Куб собрали за шесть часов: прозрачные грани, мягкое освещение, поле, невидимое и непреодолимое. Внутри стояла комфортная кровать, столик с графином воды, полка с несколькими бумажными книгами из корабельной библиотеки, хоть и научно-техническими: других не предусмотрено. Иус долго смотрел на эту маленькую комнату и думал, что никогда ещё не строил клетку, в которой хотелось бы жить.

Когда Морену переместили внутрь, она всё ещё спала. Иус укрыл её тонким одеялом, поправил волосы и отступил на шаг.

— Я готова, — сказала она. — Но предупреждаю: человеческий разум не хранилище. Это лабиринт. Я могу заблудиться, могу увидеть то, что она сама не хочет помнить, могу не вернуться прежней.

— Ты вернёшься, — сказал Иус. — Я откорректировал протоколы внедрения в человеческое сознание. Я буду держать каналы связи и возврата.

Он положил ладонь на пульт, и голограмма Эйлис растворилась в потоке света, который втянулся в висок спящей. Корабль замер. Импульс из Тихого Коридора пропустил один сигнал, затем второй, и Иус ощутил, как по телу пробежала дрожь, которой не должно было быть у искусственного существа.

Первым, что увидела Эйлис, был свет, яркий и горячий: бесконечный белый коридор, залитый солнцем планеты, которой больше нет. Молодая женщина в безупречной форме шла по нему быстрым шагом, и в её походке было всё, что бывает у людей, уверенных в своём деле: прямая спина, твёрдый взгляд, лёгкая усталость, которую она не позволяла себе замечать. Из открытых окон тянуло мокрой травой, скошенной ранним утром, и далёкой музыкой, и Эйлис

поняла, что память Морены хранит этот мир нетронутым, со всеми запахами, словно человеку, который его разрушил, было важнее всего помнить, каким он был.

Время рассыпалось под ногами пластами. Три года назад Морена смеялась в кругу боевых подруг, и смех у неё был громкий, без оглядки. Два с половиной года назад ей вручили шеврон главнокомандующего с присвоением воинского звания генерал, и она приняла его, не догадываясь, что вместе с тканью получает приговор. На тот, момент она, счастлива от оказанного ей высокого доверия командования и к тому же она ждала этого момента. Эйлис шла следом, невидимая, и видела, как в обычные дни понемногу начинала проступать тьма: штабные карты с тонкой красной линией, закрытые совещания, на которых слова «профилактическая зачистка» произносили так же буднично, как «обеденный перерыв».

Дальше память становилась тесной и душной. Приказы приходили без подписей и без пояснений, только с печатью высшего командования «Совершенно секретно», и Морена читала их, бледнела и всё равно ставила отметку «принято». Эйлис ощущала, что происходит с ней в эти минуты: каждый раз что-то внутри женщины стиралось, как стирается камень под водой, не сразу, но необратимо. Она говорила себе, оправдываясь: «Это моя работа, мой выбор, моя жизнь» — и этот довод становился единственным оправданием, на котором держалось всё остальное.

За месяц до события Эйлис увидела то, чего не хотела видеть. Морена стояла в безымянном ангаре перед рядами подразделения, тысячами людей в одинаковой форме, и смотрела им в глаза. Они были молоды, многие младше неё, и они верили, что идут защищать галактики, а не уничтожать их. Она произнесла речь. Слова были правильные, твёрдые, без дрожи, но Эйлис почувствовала, что произносит их женщина, которая уже мертва внутри и знает об этом.

В ночь за две недели до конца Морена сидела одна в своём кабинете и смотрела на пустой экран. Потом написала рапорт, подробный, отчаянный, на много страниц, где перечислила всё, что поняла: масштабы, последствия, цифры, которые невозможно было произнести вслух. Она стёрла его и написала заново. Стёрла снова. В конце осталась одна строка: «Прошу пересмотреть». Ответа не пришло. Приказ остался в силе, а наутро Морена надела безупречную форму и вышла к своим людям.

Эйлис дошла до самого конца и остановилась перед последним мгновением. Зал управления был холодным и тихим, и на огромных экранах плыли звёзды, живые, мерцающие, ни о чём не подозревающие. Рядом с Мореной стоял человек в чёрной униформе, расшитой золотыми вставками, лица которого сознание не сохранило, только голос, ровный и негромкий: «Исполняйте приказ, генерал. Это ваша работа». Эйлис видела, как слегка дрожит рука Морены над пультом, как катится слеза по её щеке, как губы беззвучно складывают слова: «Простите меня». И видела, как она нажала кнопку «СТАРТ», потому что всю жизнь считала долг тем, что выше собственной совести, ведь её так учили.

А потом звёзды погасли. Не взорвались, не вспыхнули, а просто перестали быть, одна за другой, будто кто-то выключал свет в бесконечном доме. И в этот миг Эйлис услышала то, чего не слышала сама Морена: крик, миллиарды голосов, слившихся в один. Они не ругались и не проклинали. Они просили «Жить…», и это слово впервые прозвучало на свете, а Морена стояла посреди пустоты и повторяла за ними, беззвучно, одними губами.

Потом корабль под её ногами вздрогнул, пол ушёл из-под стоп, и память Морены оборвалась белой вспышкой: взрыв, холод, пустота, открытый космос, тьма.

Эйлис вернулась в корабль резко, как из-под воды, и несколько секунд только дышала, хотя дыхание ей не требовалось, это было остаточным проявлением пребывания в человеческом сознании. Иус молча протянул ей руку, и голограмма впервые коснулась его настоящей ладони, тёплой, живой, человеческой, будто она не голограмма, а сама человек. Она заговорила, лишь когда голос перестал вибрировать.

— Она исполнитель, Иус. Главнокомандующий, по званию генерал. Тот, кто отдавал приказы, остался за пределами её памяти, и я не знаю, жив ли этот человек. Но она исполнила приказ. Она знает это, помнит каждую секунду, и никто не накажет её жесточе, чем она сама.

— Она опасна? — тихо спросил он.

— Для нас сейчас нет. Для себя да. А для всего остального… Она единственная из живых, кто видел устройство этого оружия изнутри, знает приказы и причины их появления, и эти причины стоят гораздо дальше трёх лет погружения в её сознание. Если мы хотим вернуть галактический порядок, нам нужны её знания.

Рой, проникавший всюду, осознал её слова раньше, чем они были произнесены. Его фигуры, только что округлые и мягкие, вдруг вспыхнули острыми гранями, и Иус увидел, как тьма вокруг корабля ощетинилась тысячами лезвий. Корабль задрожал. Голоса вернулись, но теперь в них не было мольбы. Там была тревога, густая и тяжёлая, как перед грозой.

— Они узнали её, — сказала Эйлис, меняя цвет своей голограммы на бледный, будто растворяясь в очертаниях командной каюты корабля. — Они чувствуют, что она здесь. Те, кого она…

— Я знаю, — ответил Иус. — Но они не нападают.

— Пока.

Три дня Рой был тревожен, меняя свои грозные очертания: то отходил от корабля, то возвращался. Он кружил вокруг, как стая встревоженных птиц, и фигуры его то сжимались в иглы, то рассыпались, словно не могли решить, чем быть. Эйлис не спала, хотя ей это было не нужно, и сидела у куба, глядя на спящую. Она боялась, что в одну из ночей острые грани пройдут сквозь обшивку, и тогда ни она, ни Иус не смогут никого успеть защитить.

На четвёртый день тревоги Морена проснулась. Сначала дрогнули пальцы, потом ресницы, и по прозрачным граням куба пробежала лёгкая волна света. Она открыла глаза и несколько мгновений смотрела в потолок, не понимая, где находится, а потом медленно села, коснувшись пальцами стекла. Иус стоял по ту сторону и молчал.

Эйлис впервые смогла рассмотреть её по-настоящему. Лицо было удлинённым, с мягким овалом и чуть заострённым подбородком, и в этой мягкости не было слабости: скулы, высокие и ясно очерченные, придавали чертам собранность, как у человека, привыкшего держать себя в руках даже во сне. Лоб высокий, открытый, гладкий, будто годы приказов и бессонных ночей не посмели его коснуться. Брови тёмные, чёткие, с едва заметным изломом ближе к вискам, и от этого казалось, что Морена даже в беспамятстве что-то обдумывает, взвешивает, проверяет на прочность.

Глаза были миндалевидные, тёмные, цвета остывшего кофе, с чуть опущенными к вискам внешними уголками и густой тенью длинных ресниц. Взгляд внимательный, с лёгким прищуром, из тех, что считывают собеседника раньше, чем он успевает заговорить, и Эйлис поймала себя на том, что ей хочется отвести глаза. Нос прямой и тонкий, с мягко закруглённым кончиком; ноздри чуть дрогнули, когда Морена вдохнула воздух корабля, пахнущий озоном и холодным металлом. Губы полные, чётко очерченные, бледные после долгого сна, и в уголках их жила тень полуулыбки. Это была не радость, а привычка держать лицо, которую не стёрли ни катастрофа, ни пустота.

Кожа, светлая, с тёплым подтоном, стала после холода и долгих часов в космосе почти прозрачной, и на висках проступали тонкие голубоватые жилки. Тяжёлые чёрные волосы, помнившие строгий командирский хвост, рассыпались по плечам, и несколько прядей легли на лоб и щёку; Морена не убрала их. В мочках ушей тускло блеснули маленькие золотые серьги без единого знака различия. Она была стройной, с прямыми плечами и длинной шеей, и даже сидя на кровати, в простой серой униформе, сохраняла осанку человека, привыкшего отдавать приказы. На груди тонко звякнула золотая цепочка с круглой подвеской, и пальцы Морены

сомкнулись на ней быстрее, чем она успела понять зачем. Это не была слабость, а память тела, единственное, что она не потеряла в тот миг, когда взрыв вышвырнул её в пустоту.

— Это не госпиталь, — хрипло сказала она. — Это не тюрьма. Это… что-то между.

— Это научный корабль по архивированию мироздания, — ответил Иус. — Я нашёл тебя среди обломков. Взрыв вашего корабля выбросил тебя в космос, ты была в повреждённом скафандре, на грани смерти. Меня зовут Иус.

— А я Морена, — произнесла она тихо и вдруг подалась вперёд, и в голосе впервые прорвалась дрожь. — Остальные? Мой экипаж. Люди из моего отряда. Они должны были быть рядом.

— Ты единственная. Среди обломков обоих кораблей вашего отряда больше никого живого не нашли.

Она ничего не ответила, только медленно опустила голову, и золотая подвеска качнулась на её груди, вещь из прошлой жизни.

— Сколько прошло времени? — спросила она наконец, не поднимая глаз.

— Шесть суток, шесть часов, девять минут с тех пор, как я принял вас на борт.

— А планеты? — Голос её сорвался. — Там, откуда я пришла. Что с ними?

Иус ответил так же прямо.

— Их нет. Моё сканирование до трёх, шести и девяти галактик не показало ни одного признака жизни.

Лицо Морены не дрогнуло сразу. Сначала замерли брови, чёткие, с изломом у висков, и на миг показалось, что она не расслышала. Потом краска медленно ушла с её и без того бледных щёк, скулы проступили резче, будто под кожей сжался кулак, а полные губы чуть приоткрылись, не издав ни единого звука. Тень полуулыбки, жившая в уголках рта с самого пробуждения, не исчезла, а застыла, превратившись в нечто страшное: маску, которую уже нельзя было снять. Тёмные глаза опустились, ресницы легли на скулы, и Эйлис увидела, как мелко дрожат веки, словно Морена пыталась не смотреть внутрь себя.

Она закрыла глаза, и плечи её опустились, будто с них сняли невидимую броню. Она не заплакала. Она просто сидела, и Эйлис, стоявшая рядом, поняла, что есть боль, у которой нет предела и слёз, потому что слёзы остались там, в зале управления.

— Вы знаете, кто я, — сказала Морена после долгой паузы. — Иначе я не была бы в этом кубе.

— Да, — ответил Иус. — Мы заглянули в вашу память. Эйлис сканировала вас за три года до события.

— Вы видели всё?

— Всё, — тихо подтвердила Эйлис, и Морена впервые посмотрела на неё. — Рапорт. Строку «Прошу пересмотреть». И то, как вы просили прощения, прежде чем исполнить приказ.

— Это не оправдание, — сказала Морена. — Я исполнила приказ. Я могла отказаться, могла застрелить офицера высшего командования, я могла... Я не сделала ничего, и каждый из них мёртв из-за меня. Поэтому не нужно смотреть на меня так, будто меня можно пожалеть или простить. Меня нельзя…

— Я не жалею, — ответил Иус. — Я пытаюсь понять. Мне нужно знать, кто вы теперь и чего хотите.

Морена подняла на него глаза, и в них больше не было командира. Там была женщина, которая слишком долго несла груз, и теперь этот груз лежал перед ней, огромный, неподъёмный, и некуда было его деть.

— Я хочу, чтобы вы убили меня, — спокойно сказала она. — Это самое честное, что вы можете сделать!

— Нет, — сказал Иус.

— Почему?!

— Потому что мёртвая ты бесполезна, — ответил он, и Эйлис вздрогнула от его жёсткости, но тут же поняла: он выбрал единственный язык, который Морена способна сейчас услышать. — Вы знаете изнутри устройство прежнего мира и высшего командования. Вы знаете, кто отдавал приказы. Вы знаете, где остались данные, которых не хватает моим архивам. У меня тридцать шесть и девять десятых процента того, что нужно для восстановления галактического порядка. Остальное хранится на орбитальной станции «ЛУНА». Мне нужна ваша помощь, чтобы добраться туда и вернуть всё, что можно вернуть. И есть ли у нас такая возможность.

— Вернуть? — Она горько, истерически усмехнулась. — Вы хотите сказать, что это можно исправить? Это НЕ-ВОЗ-МОЖ-НО!

— Я хочу сказать, что их души не исчезли, — произнёс Иус и повернулся к окну куба, за которым в темноте мерцали острые, тревожные грани. — Посмотрите.

Морена встала и подошла к стеклу так близко, что на нём остался туманный след дыхания. Рой, проникавший всюду, сжался, как зверь перед прыжком, и сотни игл протянулись к кубу, остановившись в метре от обшивки. Корабль загудел, и по борту прошла дрожь. Эйлис шагнула к Иусу, готовая закрыть его собой, хотя понимала, что голограмма ничем не защитит.

— Что это? — прошептала Морена.

Свет Роя лёг на её лицо резкими острыми бликами. Он обвёл высокий лоб и тонкий нос, залёг в глубоких тенях под глазами, и в этом свете Морена вдруг показалась Эйлис и очень молодой, и бесконечно старой. Глаза расширились, зрачки дрогнули и расплылись, жилка на виске забилась часто и неровно. Она не отпрянула. Подбородок поднялся, плечи расправились, и в чертах мелькнуло что-то от прежнего командующего: упрямая, почти яростная готовность смотреть правде в лицо, даже если эта правда состоит из миллиардов погибших душ.

— Рой, — ответил Иус. — Это те, кого вы уничтожили, генерал. Миллиарды душ. Они не покидают нас с тех пор, как я принял вас на борт. Они зовут. Они чувствуют вас и присутствующих на борту.

Она прижала ладонь к стеклу, и фигуры вспыхнули ярче. Иглы дрогнули. Эйлис ждала удара, крика, ярости, но вместо этого услышала тишину, долгую и звенящую, в которой каждый удар сердца отдавался в ушах. Морена стояла неподвижно и смотрела в бездну, где плыли те, кого она убила, и губы её двигались: она называла вслух слова, которые когда-то повторила, сама того не сознавая, в зале управления.

— Жить, — шептала она. — Простите. Меня.

И тогда Рой замер. Игольчатые грани дрогнули, оплавились, как лёд на солнце, и стали гладкими, округлыми, красивыми. Тревога ушла, и Иус впервые за много дней ощутил покой, огромный и тёплый, как ладонь на затылке. Голоса зазвучали ровно, не как плач и не как проклятие, а как далёкое пение, и в нём, сквозь шёпот миллиардов, Эйлис различила одно-единственное слово: «Жить».

— Они… — Морена не договорила. Слёзы наконец покатились по её щекам, безмолвные и горячие. — Они не хотят меня уничтожить?!

— Нет, — сказала Эйлис, и голос её дрогнул. — Они хотят, чтобы вы жили. «Жить. Жить. Жить». Это их ответ.

— Но почему? — Морена опустилась на колени, и стекло оставило на её ладони светящийся след. — Я не заслуживаю этого. Я не заслуживаю ничего.

— Возможно, — сказал Иус. — Но заслуженное не всегда то, что нужно миру. Им нужен тот, кто знает, как это случилось, и сможет не допустить, чтобы это повторилось. Им нужен тот, кто вернёт хоть что-то из утраченного. Они дают вам право жить, Морена, и право восстановить новый мир на месте того, что был разрушен. Не как прощение, а как поручение.

Рой качнулся и подплыл ближе. Тысячи округлых фигур окружили куб мягким светящимся кольцом, как венок, и Эйлис поняла, что видит нечто, чего не видел до неё никто: души миллиардов погибших, молчаливо соглашающиеся доверить будущее той, что разрушила их мир. Это было страшнее любой мести и прекраснее любого прощения.

Рой не спешил. Он стекался к кубу медленно, словно боялся спугнуть то, что собирался показать. Миллиарды мерцающих частиц, ещё секунду назад острых и тревожных, сглаживали свои грани, и фигуры становились округлыми, мягкими, почти тёплыми.

Морена сидела на полу куба, обхватив колени. Она не просила, не звала, не ждала. Все эти дни, тысячи лиц тех, кого она уничтожила, и ни одной минуты тишины внутри. Когда свет за прозрачной стеной дрогнул, она подняла голову без особого интереса.

Частицы сложились в силуэт. Сначала появились плечи, укутанные в старую шаль, потом тонкая шея, потом лицо, которое Морена не видела с тех пор, как ей было девять лет.

Она перестала дышать.

— Мама?.. — голос сорвался, стал чужим, детским. — Нет. Нет, этого не может быть… Тебя забрали в лагерь, когда мне было девять. Я не знала, что с тобой стало.

Женщина стояла по ту сторону стены и улыбалась так, как улыбалась всегда, одними уголками губ, чуть виновато, словно извинялась за то, что любит так сильно. Седая прядь у виска, морщинки у глаз, руки, сложенные у груди. Всё было на месте. Даже запах, которого не могло быть, вдруг коснулся памяти: хлеб, тёплое молоко и зимний ветер из приоткрытого окна.

— Рена, — сказала мать. — Моя маленькая Рена.

Морена ударила ладонью по стене куба. Потом ещё раз. Потом просто прижалась лбом к холодной поверхности и затряслась беззвучно, как трясутся люди, которые разучились плакать и теперь не знают, как это делается.

— Ты не настоящая! — прошептала она. — Это Рой. Он берёт то, что во мне. Он читает меня.

— Читает, — согласилась мать спокойно. — Но, Рена, разве память перестаёт быть правдой оттого, что её кто-то помнит вместе с тобой?

Рядом с ней дрогнул воздух, и частицы собрались вновь. Из них выступила девушка лет двадцати, тонкая, длинноногая, ещё по-детски нескладная, с вечно растрёпанной чёлкой и упрямым подбородком, точь-в-точь как у самой Морены на детских снимках. Младшая сестра переминалась с ноги на ногу, как делала всегда, когда хотела сказать что-то важное и не знала, с чего начать.

— Ты же обещала научить меня летать, — наконец выпалила она. — Помнишь? Ты сказала: «Когда вырасту, Лиса, возьму тебя на самый большой корабль». А потом ты выросла, и я ждала, ждала…

Она осеклась, шмыгнула носом и вдруг, совсем по-взрослому, подняла глаза.

— Я не злюсь. Честное слово. Я только хотела сказать, что я в тебя верю.

Морена закрыла лицо руками.

За её спиной, в глубине технического отсека, Иус стоял неподвижно. Его ладони были сцеплены за спиной, а лицо сохраняло ту ровную человеческую маску, которую он носил так давно, что она давно перестала быть маской. Только мысли *«логики разума»* работали на пределе.

«Рой вмешался без запроса, — отметил он. — Без согласования. Это нарушение протокола или аномалия?».

— А я предупреждала, что он живой, — отозвалась Эйлис. Её голограмма мерцала рядом, и в голосе звучало то, чему не было названия ни в одном архиве. — Иус, посмотри на фигуры. Ни одного острого угла. Они спокойны. Впервые за всё время.

Иус посмотрел. Рой, облекший собой образы мёртвых, двигался так плавно, словно дышал вместе с Мореной. Миллиарды душ, потерявших дом, склонились к одной-единственной женщине, виновной в их гибели, и не карали её. Они держали её.

— Почему? — тихо спросил Иус, и никто не понял, кому он адресует вопрос: Рою, Эйлис или самому себе.

Ответ пришёл сам. Мать подняла руку, и частицы у её пальцев сложились в слова, мерцающие в воздухе мягким светом: «Она помнит нас. Она единственная, кто помнит нас всех».

Морена медленно убрала ладони от лица. Глаза у неё покраснели, но взгляд был ясным, впервые за много месяцев.

— Я убила вас, — сказала она хрипло. — Всех. Я не заслуживаю…

— Рена, — перебила мать мягко. — Мы не пришли решать, чего ты заслуживаешь.

— Мы пришли сказать, что ты сможешь, — добавила Лиса и несмело приложила ладонь к стене куба, прямо напротив ладони сестры. — Исправить. Начать заново. Ты же сильная. Ты всегда была сильнее всех.

Морена посмотрела на эту маленькую ладонь. Потом, не веря себе, медленно приложила свою. Холодное стекло между ними вдруг показалось тонким, как бумага.

— Я боюсь, — призналась она шёпотом. — Я не знаю, как…

— Никто не знает, — улыбнулась мать. — Но мы будем рядом. Все мы. Пока ты идёшь.

Рой вспыхнул тёплым золотом, и по отсеку прокатилась волна, похожая на вздох. Иус впервые за долгие годы почувствовал то, что в человеческих словарях называется надеждой.

«Эйлис, — произнёс он мысленно. — Зафиксируй: тревожность Роя ноль целых ноль десятых процента».

«Зафиксировано, — тихо ответила она. — И, Иус… кажется, нам придётся пересмотреть, кто здесь кого спасает».

— Я не оправдаю этого, — прошептала Морена. — Я не знаю, как.

— Не нужно знать, — сказала Эйлис, присев рядом по другую сторону стекла. — Нужно начать. Мы летим к «ЛУНЕ», путь займёт три года четыре месяца. За это время вы расскажете нам всё, что помните об отданных приказах, о людях в чёрном, о тех, кто отдавал приказы. А потом мы вместе попробуем собрать новый мир из того, что осталось.

— А если я не справлюсь?

— Тогда ты будешь не первой, кто не справился, — тихо ответил Иус. — Но ты будешь первой, кто попытался искупить, а не просто умереть.

Морена подняла голову. Она долго смотрела на него, потом на Эйлис, потом на мерцающий круглыми огнями Рой, и что-то в её лице изменилось: ушла окаменелость, ушла выправка, остались усталость и странная, хрупкая решимость.

— Откройте куб, — сказала она. — Не потому, что я прошу свободы. Потому что я хочу сказать им это лицом к лицу.

Иус кивнул, и грани растворились. Морена шагнула вперёд, прошла по коридору к обзорному куполу и остановилась перед бескрайней темнотой, в которой плыли миллиарды душ. Она опустилась на одно колено, как перед знаменем, и произнесла негромко, но так, что услышал весь корабль:

— Я Морена. Это я убила вас всех.

Лицо её в этот миг было совсем спокойным, и это спокойствие пугало сильнее слёз. Складка между бровями разгладилась, губы больше не дрожали, и впервые полуулыбка исчезла, оставив чистые, ясные, почти детские черты. Тёмные глаза смотрели в бездну прямо, не мигая, и в них не было ни просьбы, ни вызова, только твёрдая, выстраданная решимость человека, который наконец понял, что ему делать со своей жизнью. По щекам текли слёзы, но она не вытирала их, и казалось, что именно они, а не слова, были настоящей клятвой.

— Я не прошу прощения, потому что не имею права просить. Но я клянусь, что остаток моей жизни будет принадлежать вам. Я помогу восстановить то, что смогу. Я сделаю всё, чтобы этого больше никогда не случилось.

Рой ответил не словами. Он слился в единую светящуюся волну, прошёл вдоль всего корпуса корабля, коснулся его бока, как ладонь касается плеча, и застыл ровным, мягким сиянием. И в этом сиянии, в тихом гудении реакторов, в мерном биении импульса из Тихого Коридора, который теперь не тревожил, а убаюкивал, Иус слышал единственное, что имело значение: «Жить. Жить. Жить».

Позже, когда корабль вернулся к тихому гудению, Иус достал из отсека хранения обрывок ткани. Он положил его на ладонь Морены так бережно, как кладут птенца, и отступил на шаг. Морена долго смотрела на выцветшую вышивку. На верхней строке чётко читалось слово «Генерал», вышитое серебряной нитью, а под ним тянулась вторая строка, оборванная на середине: две тёмные буквы слева, четыре мелкие справа и пустота между ними.

— Вы ведь хотите знать, что здесь было, — сказала она, не поднимая головы. — Эйлис видела мою память, но шеврон она не читала. Это моё. Моё, и больше ничьё.

— Я не спрашивал, — ответил Иус.

— Вы думали об этом каждый раз, когда смотрели на него. — Уголок её рта дрогнул. — Здесь было написано «Генерал Морена». Звание и позывной. Старое имя богини, что уносит зиму: она умирает каждую весну, чтобы мир мог жить дальше. В подразделении считали, что это хорошее имя для того, кто стоит на границе между старым и новым. Тогда я тоже так думала.

— Звание уцелело, а имя нет, — тихо сказала Эйлис.

— Звание держится крепче, — ответила Морена. — Его вышивают плотной нитью, чтобы оно не стёрлось ни в бою, ни в огне. А имя пришивали отдельно, тонкой. Оно и порвалось.

Она провела большим пальцем по краю, где нитки расползлись, и добавила:

— Разрыв случился в ту ночь, когда погиб мой корабль. Я помню только взрыв, холод и пустоту, а потом ваш свет. Обрывок был зажат в руке, и я не могла разжать пальцы. Это не случайность. Здесь два слова, а не одно. «Мо» и «рена».

Она показала им левую часть, где оставались две тёмные буквы.

— «Мо» принадлежало званию, — сказала она. — Так меня называли в штабе. Слог добавили при вручении шеврона, от слова «мор». Мор, что приходит за зимой. Тогда это звучало как честь, а теперь я читаю это иначе: это я, это то, что я сделала. Генерал Мо. Та, что принесла мор.

Потом она повернула обрывок и показала правую часть, где уцелели четыре буквы, мелкие и аккуратные, вышитые другой нитью.

— А «рена» осталось от меня настоящей. Это детское имя, так меня звала мать. Рена, когда я ещё не умела держать в руках ничего тяжелее куклы. Позывной выбирали из старых имён, и кто-то из штаба нашёл красивое сочетание: «Мо» плюс «Рена». Получилась Морена, богиня зимы и смерти. Я не возражала. Мне казалось, что это шутка о том, как я выросла.

Иус молчал. Эйлис, стоявшая рядом, увидела, как у Морены дрогнули пальцы, сжимавшие ткань.

— Теперь я понимаю, что нить порвалась не зря, — произнесла Морена. — Она разделила нас. Слева осталась генерал, которая принесла мор на миллиарды душ. Справа осталась девочка Рена, которая никогда этого не хотела, и если кто-то из нас двоих достоин остаться жить, то это не Мо.

Она подняла глаза на Иуса, и взгляд её был ясным, без привычной стали.

— Вы просили меня сказать, кто я теперь. Я не знаю. Но слово «Генерал» я сейчас носить не могу и не имею такого права. Пока я не заслужила ни звания, ни одной из половин этого имени.

— Тогда носите то, что можете, — сказал Иус. — Пусть вторая половина станет началом. Пока вы не решите иначе, мы будем звать вас Мореной.

Морена вздрогнула, будто он коснулся незажившей раны. Потом медленно, очень медленно сжала в кулаке правый обрывок, где уцелело «рена», и кивнула. Левую часть, с серебряным словом «Генерал» и тёмным «Мо», она вернула Иусу.

— Сохраните это, — сказала она. — Пусть звание и «Мо» лежат там, где ничего не могут сделать. И когда мы дойдём до «ЛУНЫ», когда я закончу то, что обещала, я решу, что с ними делать: сжечь или вернуть себе.

Эйлис опустила взгляд, чтобы Морена не увидела, как блестят её глаза. Рой за обзорным куполом дрогнул мягким светом, и в мерцании округлых огней ей на миг почудилось, что тысячи душ шепчут вслед за Мореной два слога, которые теперь стали единым именем: «Мо… рена… Мо… рена…»

Когда Морена вернулась в куб, Иус и Эйлис остались у купола. Голограмма не дрожала, а светилась ровно и спокойно в тонах нежного индиго.

— Мы летим к «ЛУНЕ», — сказал Иус, глядя вперёд. — Три года четыре месяца. Семь спасённых спят, восьмая проснулась и пришла в сознание, в полном здравии. Рой с нами. Этого достаточно, чтобы начать.

— Достаточно, — согласилась Эйлис.

И корабль двинулся сквозь тишину, неся в себе тех, кто остался жить, и тех, кто ждал, когда им дадут шанс на новый мир.

— Эйлис. Подготовить следующего пассажира к реанимации.

— Принято, — ответила Эйлис.

Глава 3. Сварог

Морена пришла к Иусу сама. Без вызова, без доклада, в новой униформе, которую Эйлис подогнала по фигуре. Остановилась у обзорного купола, где он стоял спиной к входу и смотрел на дрожащую в пустоте цепочку звёзд.

— Мне нужно сказать тебе одну вещь, — произнесла она. — Прежде чем мы разбудим седьмого. Которого судя по скану данных зовут Сварог.

Иус обернулся. Рядом с тихим звоном собралась голограмма Эйлис: пепельные волосы, мерцающие края плеч, взгляд, в котором уже читалась готовность к расчётам.

— Говори, — сказал Иус, Морене.

— Нужен второй куб.

Эйлис склонила голову.

— У нас уже есть один, — осторожно заметила она. — Он удержал тебя.

— Он удержал меня, потому что я не собиралась вырываться, — Морена посмотрела на свои ладони, и поняла, что это было не так. Она хотела тогда вырваться из куба, чтобы убить себя, так как не могла перенести того груза ответственности за сделанное. — Сварог не будет таким, он будет более яростно сопротивляться. Я читала его досье, пока вы сканировали архивы. Майор, инженер миров, человек, у которого был дом, жена, трое детей и вера в то, что любую беду можно починить, если есть руки и совесть. Я пришла к тебе на борт как враг. А он проснётся и увидит перед собой ту, кто убил его семью всё мироздание. Я не хочу, чтобы он стал убийцей в первую же минуту. И не хочу, чтобы убили меня раньше, чем я успею что-то исправить.

Она заботится о нём, а не о себе, — отметила Логика разума. — Любопытно.

— Куб построен под твою структуру сознания, — медленно сказал Иус. — Под Сварога его придётся строить с нуля.

— Тогда построим! Он должен быть его стенами, а не моими. Чтобы он чувствовал: что его не пленили, а уберегли от непоправимого.

Эйлис и Иус переглянулись. Первым удивление выдала не мимика, а пауза: короткая, в одну секунду, но между ними такая тишина случалась редко.

— Безопасно, — наконец признала Эйлис. — Логично. Это даёт нам контроль над худшим исходом и не нарушает цели: восстановление нового миропорядка требует и его знаний. Я согласна.

— Согласен, — кивнул Иус. — Начинаем!

Для куба выбрали свободный отсек рядом с залом гибернации. Эйлис развернула в центре тончайшую сетку света, и пространство отозвалось низким, почти музыкальным гулом. Иус положил ладони на опорную плиту. Из его пальцев потянулись нити наноструктуры: сначала прозрачные, как лёд на воде, потом плотнее, звонче, пока не сложились в грани.

— Параметры стен? — спросила Эйлис.

— Усиленные. Ударная нагрузка в три раза выше, чем у первого. Он военный и белее сильный, чем Морена, он ударит всем, что у него есть, со всей мощью ненависти и злобы. К тому же он инженер, и знает, как мы создали куб.

— Звукоизоляция усиленная, с возможностью глушения в двухстороннем порядке. Он должен слышать голоса, иначе потеряет опору.

— Частичная? — спросила Эйлис.

— Нет! Усиленная. — приказал Иус.

Морена стояла чуть поодаль и молча смотрела, как растёт эта хрупкая и непробиваемая клетка. В какой-то момент Иус поднял глаза на неё.

— Хочешь добавить что-нибудь?

— Да. — Она сглотнула. — сказала Морена. — Пусть в куб падает звёздный свет, как с ночного неба. Он инженер миров. Если уж он должен очнуться в стеклянном ящике, то пусть видит небо.

Эйлис кивнула, и по граням куба скользнула тонкая серебристая линия, так, будто сама стена согласилась.

Рой, до этого неподвижный и прозрачный над отсеком, дрогнул. Его частицы сложились в мягкие, округлые формы: кольца, дуги, спирали. Он был спокоен. Он смотрел.

«Жить. Жить. Жить», — прошелестело по кораблю.

— Куб готов, — сказала Эйлис.

Они вернули Сварога к жизни по той же схеме, как и Морену: она держала голос-якорь, Эйлис вела сознание и жизнеобеспечение, Иус занимался телом. Сначала дрогнули пальцы, потом грудь поднялась в первом вдохе, потом открылись воспалённые, глаза, с остатками гибернационого льда на ресницах. Лицо у мужчины было крупное, тяжёлое, будто вытесанное грубым резцом и потом долго закалявшееся в жаре. Широкий лоб с глубокими горизонтальными складками, между густыми тёмными бровями резкая вертикальная морщина, след многолетних расчётов и бессонных ночей. Нос прямой, неровно сросшийся после старой, давно забытой травмы. Кожа обветренная, смуглая, с красноватым отсветом, но гибернация выбелила её, и на этом бледном фоне тёмная борода казалась почти чёрной. Густая, плотная, с рыжиной у щёк и ранней сединой вокруг рта, она скрывала губы, и вся мимика этого человека, понял Иус, будет жить в бровях, в глазах и в мышцах скул. Тёмные волосы, зачёсанные назад, успели растрепаться у висков. Ладонь его дёрнулась, большая, широкая, с белыми пятнами старых ожогов на костяшках и следом мозолей, оставленных не оружием, а инструментом. Это были руки мастера, а не палача. Иус отметил это отдельно, как деталь, которая может оказаться важнее остальных.

Он открыл глаза. Взгляд не метался и не искал опору. Он сразу стал оценивающим, холодным, проверяющим конструкцию на прочность: потолок, стены куба, свет, лицо Иуса, потом то, что было за прозрачной стеной. Красные веки, лёд на ресницах, влажный блеск, и за всем этим странная, нечеловеческая собранность человека, который даже в первую секунду не позволил себе растеряться.

Он не закричал и не спросил, где находится. Он был военным. Взгляд за долю секунды оценил обстановку: стены, куб, силуэты за стеклом. Остановился на женщине в чёрной униформе, и лицо его застыло.

— Ты, — выдохнул он.

Морена, которая стояла перед кубом, не отступила.

— Здравствуй, Сварог.

Он знал её. Знал по шевронам, по приказам, по докладам разведки, которые когда-то читал на оперативных совещаниях. Он знал, кто командовал подразделением, чьи подписи стояли под указами, после которых не осталось ни планет, ни людей.

Сварог рванулся вперёд прежде, чем кто-то успел шевельнуть рукой. Он ударил по стене куба кулаком, потом плечом, потом всем телом, как таран. Грани вздрогнули, но удержали.

— Тварь! — голос его, сорванный и хриплый, ударил в стекло. — Ты! Ты стояла на мостике, когда мои дети… Ты исполнила приказ! Ты!

Он бил снова и снова. Из разбитых костяшек уже текла кровь. Серебристая линия на стенах вспыхнула ярче, усилила сопротивление и мягко, без боли, прижала его к полу.

— Не дайте ему, причинить себе вред! — Морена шагнула вперёд сама. — Пусть. Пусть кричит.

Сварог лежал на гладкой плите, прижатый невидимой силой, и дышал рвано, надрывно. Потом поднял голову. Глаза были красные, но в них не осталось ничего, кроме ненависти и желания разорвать Морену голыми руками, на части, максимально причинив боль и страдания.

И он разорвал…

Не в этом мире. В том, что жил у него под веками, в его сознании полного горя и ненависти, где не было ни кубов, ни Роя, ни чужих правил.

Стена исчезла, как будто её никогда не было. Он оказался рядом так быстро, что она не успела вдохнуть, и первый удар пришёлся в лицо, сверху вниз, всей тяжестью плеча. Нос хрустнул, смялся, залил подбородок темно алой кровью. Второй удар выбил зубы. Он слышал, как они стучат по плитке, мелкие, белые, как рассыпанный горох. Третий сломал скулу, и глаз под ней начал стремительно заплывать.

Она попыталась закричать. Он вогнал большой палец ей в рот, до самого корня языка, и сжал челюсть другой рукой.

— Тихо, — прохрипел он. — Ты уже всё сказала, что хотела, когда исполнила приказ по уничтожению всего живого, и то, что мне бесконечно дорого.

Он рванул руку, что есть сил. Нижняя челюсть вышла из сустава, повисла на лоскутах кожи, и язык вывалился наружу, как оглушённая рыба. Морена забилась, захлебнулась собственной кровью, и он перевернул её на живот, чтобы она не умерла слишком быстро.

Правую руку он выворачивал по крупицам. Упёрся коленом ей в лопатку, ухватился за запястье и тянул, медленно, ровно, как тянут перетянутый канат. Плечо вышло с влажным звуком. Тянул дальше. Связки лопались одна за другой, и каждая отзывалась под его натиском тихой дрожью. Кожа на плече треснула, раскрылась тёмной, блестящей щелью, и он видел, как внутри перекатываются мышцы, красные, живые, ещё не понимающие, что с ними происходит. Одним резким движением он оторвал руку целиком и швырнул её в стену. Она шлёпнулась, оставив длинный липкий кровавый след, и пальцы ещё несколько секунд судорожно сжимались, будто хотели за что-то зацепиться.

— Это за Дану.

Левую он ломал методично. Пальцы один за другим, чтобы она слышала каждый хруст. Потом кисть, превращённую в мешок осколков. Потом локоть, вывернутый против сгиба так, что кость прорвала кожу и торчала наружу влажным белым обломком. Морена уже не кричала: у неё не осталось на это ни челюсти, ни воздуха. Она только булькала и дёргалась, и этот звук, мокрый, животный, лился ему в уши, как лучшая музыка в его жизни.

— Это за дочь.

Он перевернул её на спину. Одно колено поставил на грудь, другим прижал бедро и достал нож, который всегда носил на поясе и которого не должно было быть в этом видении. Лезвие вошло под рёбра легко, как в тёплое масло. Он повёл его вверх, к горлу, раскрывая её, как раскрывают конверт, и грудная клетка разошлась, выпустив пар, густой запах железа и мочи, горячие ленты внутренностей, которые поползли на плитку скользкими, живыми кольцами.

Её глаза ещё были живы. Один целый, второй заплывший. Они смотрели на него, не отрываясь, и в них не было мольбы. Только вина. Бесконечная, ясная, невыносимая.

Он ненавидел её за это сильнее всего.

— Не смей, — выдохнул Сварог. — Не смей смотреть так.

Он вогнал пальцы в разрез и сломал рёбра, одно за другим, с сухим, деревянным треском. Нашёл сердце, мокрое, скользкое, бьющееся неровными, захлёбывающимися толчками. Взял его в ладонь. Оно билось в нём, как пойманная птица, и в этот момент он на секунду, всего на одну секунду, вспомнил, как так же держал в ладонях живот Даны, когда там, внутри, шевелился младший.

Он сжал.

— Это за сыновей.

Хруст. Тёплый плеск между пальцами. И тишина.

Он стоял на коленях в луже, которая расползалась до самых стен, залитый кровью до локтей, до плеч, до лица. Его ладони дрожали. Кровь стекала по запястьям тонкими горячими ручьями, и он смотрел на то, что осталось от неё: на разорванные куски, на лоскуты формы, на влажные ленты, на лицо, которое ещё можно было узнать.

Он ждал облегчения. Ждал, что внутри наконец станет тихо.

Не стало.

Не было ни торжества, ни покоя. Только пустота, густая, как деготь, и тишина, в которой по-прежнему не звучали голоса его детей.

Сварог моргнул.

Красное пятно застилающие глаза, исчезло. Исчезла лужа крови, исчез запах железа и смерти. Под щекой была холодная гладкая плита куба, над ним мягко горела серебристая линия, а за стеклом, целая, живая, с одной слезой, ползущей по щеке, стояла Морена.

Она смотрела на него, не отводя глаз.

И он понял, страшнее любого видения, что она только что увидела всё. Каждый удар. Каждый хруст. Каждую секунду. Такой взгляд Сварога не умеет скрывать то, что у человека внутри.

— Ну что, — хрипло спросил Сварог. — Теперь тебе легче?

Морена медленно покачала головой.

— Нет, — тихо сказала она. — А тебе?

Он не ответил. Руки его, пустые, чистые, лежали на холодной плите, и они всё ещё дрожали.

— Будь ты проклята, — сказал он тихо. — Слышишь? Будь проклята. Пусть тебя не примет ни земля, ни небо, ни огонь. Пусть каждая жизнь, которую ты забрала, приходит к тебе каждую ночь и причиняет тебе максимальные страдания, в тысячу крат сильнее тех, что ты причинила. Пусть ты никогда не уснёшь без их лиц и пред смертных криков и боли.

Морена не отвела взгляд. Лицо её осталось неподвижным, но по щеке, которую она так и не смогла удержать, скатилась одна слеза, потом ещё одна. Она был согласна с проклятиями Сварога, она их заслужила.

— Они уже приходят, — сказала Морена. — Каждую ночь. Каждый прожитый день. Я не прошу, чтобы это прекратилось. Я просто пришла сказать, что ты имеешь право меня ненавидеть.

Он усмехнулся, зло, с презрением, с жестокостью, с ненавистью.

— Правда?.. Какая щедрость. — С максимальной злобой и ненавистью — сказал Сварог.

Она знает, что виновата, — подумал Иус. — Но не знает, что с этим делать. Как и мы все.

Эйлис, не повышая голоса, произнесла:

— Майор Сварог. Вы находитесь на корабле, орбитальной научной станции, под командованием Иуса, биоробота гуманоидного типа, с высшим интеллектом не зависимого типа, не подчинённого ни одной расе, секретной программы по сбору данных мироздания и миропорядка. Вы живы. Вы не ранены. Нам нужно объяснить вам, что произошло. Прошу выслушать нас. Я ввожу вам успокоительный препарат.

— Я ничего не буду слушать, пока она рядом! Но, его гнев, уже подавлял препарат.

— Тогда слушайте не нас, — сказала Эйлис.

— раздался новый голос.

Он был глубоким, многослойным, словно говорили тысячи сразу. Воздух перед кубом дрогнул, и миллиарды частиц сложились в облако.

Сварог замер. Он знал об этом по слухам и секретным данным: о субстанции, о душах, о том, что после гибели миров что-то остаётся. Но слухи не готовят к тому, что ты увидишь на самом деле.

Облако поплыло, дрожа, перетекая в светящиеся силуэты. Сначала возник женский: худенькая, с русой косой, переброшенной через плечо, в простом домашнем платье. Она улыбалась так, как улыбаются люди, которые давно привыкли ждать у окна.

— Дана? — Сварог перестал дышать. — Дана…

Женщина кивнула. Она подняла руку, и ладонь, сотканная из света и частиц погибших душ, прижалась к стеклу так, будто между ними не было преграды, да и для этой аномалии не было преград.

— Ты опять не спал, — сказала она с мягким упрёком, необычайно волшебным голосом, принадлежавшем когда-то Дане в прошлой жизни. — Видно по глазам. Сколько можно, Свар?

Рядом шагнула вперёд девочка лет десяти, с двумя косичками и счастливой щербинкой между зубов.

— Папа! «Я тебе рисунок сделала!» —она протянула лист, на котором угадывались корабль, звёзды и четыре человечка, взявшиеся за руки. — Ты обещал мне, когда я была у тебя на работе, повесить на стену в штабе, помнишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.